

«ТАМ, ГДЕ Я» ДЖУМПЫ ЛАХИРИ: В ПОИСКАХ ПРОСТРАНСТВА ПОДЛИННОСТИ

Ольга Владимировна Токарева

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского горного университета (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: ov-tokareva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9271-5553

Аннотация. Рубрика содержит перевод на русский язык фрагмента романа Джумпы Лахири «Там, где я» (Whereabouts, 2018), выполненного в рамках пятого международного конкурса художественного перевода ART & CRAFT OF TRANSLATION (2024). В вступительном комментарии дается краткий обзор творчества писательницы, демонстрируется тесная связь между биографией автора и сквозными темами поиска подлинного «Я», своего места и своего языка.

Ключевые слова: Джумпа Лахири, «Там, где я», современная проза, перевод, идентичность, культурная гибридизация

Русскоязычному читателю современной зарубежной прозы имя Джумпы Лахири знакомо преимущественно по дебютному роману «Тезка» (“The Namesake”, 2003), вышедшему в России в 2010 году в переводе Антонины Галль. Однако еще в канун миллениума дебютный сборник рассказов Лахири «Толкователь болезней» (“Interpreter of Maladies”, 1999) был удостоен двух престижных наград – премии Эрнеста Хемингуэя американского литературного ПЕН-клуба и самой престижной из литературных премий США – Пулитцеровской.

Ниланьяна Судешна¹ родилась в Великобритании в 1967 году в семье эмигрантов из Индии. Ее вторая родина – США, страна, куда девочка с необычным именем переехала в раннем детстве и с которой ассоциирует себя в первую очередь². Однако родители будущей писательницы старались поддерживать глубокую связь с культурой Индии регулярными поездками на историческую родину семьи. С детства Лахири жила двумя

жизнями – жизнью бенгальского прошлого своих предков и собственной американской жизнью³. Этот конфликт идентичности, помимо упомянутых нами произведений, также лег в основу сборника рассказов Лахири «На новой земле» (“Unaccustomed Earth”, 2008) и романа «Низина» (“Lowland”, 2013). Четвертой родиной Лахири стала Италия, куда писательница переехала в 2012 году, хотя ее интерес к культуре этой страны возник задолго до впечатляющей писательской карьеры: в 1997 году Лахири защитила диссертацию на соискание степени доктора наук (PhD) на тему «Проклятый дворец: образ итальянского палаццо в драматургии эпохи короля Якова (1603–1625)» (“Accursed Palace: The Italian Palazzo on the Jacobean Stage (1603–1625)”)⁴.

Вместе со сменой страны писательница сменила и язык своих произведений на итальянский. По словам Лахири, она не может назвать ни бенгальский, ни английский полностью *своим* языком⁵, и итальянский дал ей дополнительную свободу самовыраже-

¹ Джумпа Лахири – литературный псевдоним.

² ‘When you leave a place, it complicates your relationship with that place’ / The Times of India, January 19, 2014. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/city/jaipur/when-you-leave-a-place-it-complicates-your-relationship-with-that-place/articleshow/29025212.cms>

³ My Two Lives / Newsweek, March 6, 2006. URL: <https://www.newsweek.com › my-two-lives-106355>

⁴ Renee H. Shea. The Writer Embedded in the Story: A Conversation with Jhumpa Lahiri. URL: https://apcentral.collegeboard.org/media/pdf/Eng_Lit_SF_Import_Tone07.pdf

⁵ Teach yourself Italian / New Yorker, November 29, 2015. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/12/07/teach-yourself-italian>

ния¹. Не случайно первым сочинением Лахири на итальянском стала именно автобиография «Другими словами», позже переведенная на английский (“In altre parole”, 2015 / “In Other Words”, 2016). Вероятно, обостренное ощущение того, что она находится на стыке культур, и столкновение с непониманием окружающих послужило катализатором создания и первого художественного произведения Лахири на итальянском – романа «Там, где я» (“Dove mi trovo”, 2018), который позднее вышел в авторском переводе на английский (“Whereabouts”, 2021). Его основные темы – поиск идентичности, отчужденность, неукорененность в пространстве. Действие романа разворачивается в безымянном городе, в котором узнается Рим. Нет имени и у главной героини, голосом которой будто говорит с читателем автор. Роман состоит из сорока шести коротких глав, привязанных к точкам на карте или в календаре («В книжном магазине», «В августе»), но эти точки не выстраиваются в линии. Роман скорее похож на фотоальбом, все фотографии в котором сделаны с размытым фокусом. В предпоследней главе («Нигде») нет даже очертаний фона. Героиня признает, что место для нее не имеет значения. Единственными якорями ей служат слова.

Джумпа Лахири Там, где я

На кушетке

Около года я ходила к психологу. Приемы велись на дому в незнакомом мне районе на окраине города. Психолог жила в старинном розовом здании. Во внутреннем дворе можно было увидеть древний саркофаг, множество горшков с растениями и несколько амфор. Узкие двери лифта из дерева и стекла открывались на крошечную площадку. В квартире было уютно, из-за приоткрытых ставен в ней всегда царил полумрак. Кушетка сливового цвета располагалась прямо у входа. Красиво оформленная комната размерами походила на гардеробную, разве что с высоким потолком и полками во всю стену, уставленными книгами. Быть может, я выбрала именно этого психолога просто потому, что мне нравилось идти через тот двор, подниматься на том лифте, входить в ту комнату.

Я укладывалась на кушетку, а психолог садилась в кресло у изголовья и смотрела на меня. Или смотрела куда-нибудь еще. Это была симпатичная кареглазая женщина с щербинкой между передними зубами. За

¹ The Italian Riveter: Why Italian? by Jhumpa Lahiri. URL: <https://www.eurolitnetwork.com/the-italian-riveter-why-italian-by-jhumpa-lahiri/>

дверями комнаты скрывалась жизнь, которую вела ее семья: кладовая с запасами еды, немытая посуда, белье, развешанное на сушилке. Мне же отводилось лишь пространство, выделенное для пациентов: уют, впускающий по одной томящейся душе.

Она всегда приветствовала меня одинаково:

– Пожалуйста, начинайте.

Будто каждая наша встреча была первой и единственной. Каждая встреча как открытие книги, брошенной после первой главы.

О чем я рассказывала ей? О снах, кошмарах, всякой ерунде. Иногда – о моей матери, ее приступах гнева, не забытых мной ссорах, жутких сценах, не оставивших в ее памяти и следа. О том, как она придиралась ко мне по любому поводу, как сильно меня ругала. Мать-тиран, которая уже почти ничего не весит, мать-надзиратель с подкашивающимися от старости ногами. Что касается отца, то он умер внезапно, когда мне было пятнадцать.

Однажды я сказала:

– Мне снятся кошмары.

– О чем?

– Мне снился огромный квадратный сосуд из стекла, наполненный моей кровью.

– Как вы поняли, что это ваша кровь?

– Не помню. Но было понятно, что она моя.

– Что еще вам снится?

– Несколько дней назад приснилась моя кровать. В ней было полно черных жуков – простыня ими кишела.

– Вы спали среди них?

– Да, но когда я это поняла, то испугалась и встала. Затем я посмотрела на них поближе и увидела, что они симпатичные, с добрыми глазами, почти как у людей, и это меня успокоило.

– Сон про кровь в стеклянном сосуде вас встревожил сильнее?

– Пожалуй, да.

Всякий раз она просила рассказать ей о чем-нибудь хорошем. Я пыталась вызвать счастливые воспоминания из детства, но тщетно. Поэтому я рассказывала ей о том, как выхожу завтракать на балкон, залитый солнцем, и о том, как мне нравится там сидеть, брать в руку нагретую ручку и сочинять пару-тройку предложений.

На балконе

Я тоже своего рода психолог для моей подруги. Ей, как и мне, за сорок, но она несется по жизни на пределе возможностей. У нее есть все, чего нет у меня: муж, дети, планы на будущее, загородный дом. Проще говоря, успешная жизнь, которую так хотели для меня родители. Моя подруга – трудоголик; у нее серьезная работа с множеством командировок. То есть как минимум раз в месяц она отправляется в аэропорт, оставив родных дома. У нее всегда наготове чемодан, а в нем – успокоительное, ведь она ненавидит

летать. Ее терзает чувство вины, но она не останавливается и продолжает нестись вперед.

У меня она бывает набегами. Что-то подсказывает мне, что мое спартанское жилище для нее убежище. Я наливаю ей чашку чая.

– Это единственное место, где я могу отдохнуть, – говорит она.

Ей нравится, что у меня тихо и нигде ничего не валяется, нравится мой стеклянный журнальный столик с разложенными на нем стопками книг и парой камушков, которые я подобрала на побережье.

Она говорит:

– Дома у меня даже присесть не получается. Вечно нужно что-то делать, ни на минутку не отключиться. На журнальном столике всегда такой бардак, что смотреть тошно. Дома мне хорошо только во сне. Боже, сколько было потрачено денег на ремонт, а мне не хватает своего угла. Я мечтаю о маленькой квартире, как у тебя.

До замужества ее жизнь напоминала мою. Она описывала свое прежнее жилье: небольшая гостиная, окна спальни выходят во двор, утренние блики солнца на ковре. Ей не было дела до шума на улице, старых труб и проблем с отоплением. Однажды она призналась, что при всей боязни летать ей нравится уют пассажирского кресла, превращающегося в спальню, светильника над головой, и того, что все рядом – только руку протяни.

Сегодня она расстроена, курит сигарету. Мы сидим на балконе; здесь хватает места для пары металлических стульев. Она недавно вернулась из заграничной командировки, и дома ей на глаза попала тетрадь младшей дочери. А в тетради – рассказ о девочке, которая скучает по маме и чувствует себя брошенной. Вот как он начинается: «Жила-была маленькая девочка, которая все время была одна и каждый вечер плакала перед сном, потому что мама очень редко приходила пожелать ей спокойной ночи».

Она показывает мне тетрадь. Рассказ написан от руки, текст сопровождают аккуратные рисунки. У мамы короткие темные волосы, и она похожа на мою подругу. Губы накрашены, на шее повязан шарф, а в руке – чемодан. На заднем плане – такси.

– Можно я оставлю ее у тебя? – просит она.

– Зачем?

– Потому что рассказ был написан для меня, и я хочу его сохранить. Но у меня дом вверх дном, вечно все теряется и не поймешь, где что лежит, а еще...

Повисла пауза.

– Что еще?

– Не хочу, чтобы муж его увидел.

Я откладываю тетрадь в сторону.

– Ладно, пусть полежит у меня. Хоть дома-то побудешь?

– На следующей неделе опять уезжаю. Я так измотана. Надеюсь, летом станет спокойнее.

Тут она заводит разговор о родственниках мужа; ей придется в августе ехать с ними отдыхать и праздновать важное семейное торжество.

– Жуть как не хочется. Дня три с ними побудешь и уже лезешь на стену.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не спросить: разве ты не чувствуешь то же в отношении

мужа и детей, своего дома? Может, поэтому ты вечно в разъездах и бросаешь семью по два раза в месяц?

Мне удастся промолчать. Я дорожу подругой; пусть выпустит пар. Солнце разгулялось и в свитере мне становится жарко.

Для цитирования: Токарева, О. «Там, где я» Джумпы Лахири: в поисках пространства подлинности // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 1. С. 87–93. DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-87-93

For citation: Tokareva, O. (2024). “Whereabouts” by Jhumpa Lahiri: in search for authenticity space. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 9 (1), 87–93 (In Russ.). DOI: 10.18522/2415-8852-2024-1-87-93

“WHEREABOUTS” BY JHUMPA LAHIRI: IN SEARCH FOR AUTHENTICITY SPACE

Olga V. Tokareva, PhD (Philology), Associate Professor in the Department of Foreign Languages at Saint Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia); e-mail: ov-tokareva@mail.ru

Abstract. This section presents a Russian translation of an excerpt from Jhumpa Lahiri’s novel “Whereabouts” (2018), submitted for consideration in the fifth International Art & Craft of Translation Contest (2024). The introductory commentary offers a concise overview of the author’s body of work, illustrating the profound link between Lahiri’s biography and the recurrent themes of the quest for an authentic self, a sense of belonging, and linguistic identity.

Key words: Jhumpa Lahiri, Whereabouts, current fiction, translation, identity, cultural hybridization

